

Часть 1

Глава 1

Ева сидела у открытого окна и смотрела, как с тихим шорохом опадают на подоконник пионовые лепестки.

Она уже, наверное, не меньше часа сидела вот так, почти неподвижно, а ей все не надоедало. Один цветок еще не раскрылся, а на другом лепестков почти не осталось: все они как тень лежали вокруг синей вазы. Но облетевший цветок казался Еве даже красивее, чем бутон. К тому же каждый новый лепесток обрывался совершенно неожиданно, как будто это происходило на свете впервые и поэтому не могло надоесть.

Ваза тоже казалась Еве необыкновенно красивой, несмотря на отбитый край и стершийся от старости золотой ободок. Зато эта ваза была такого удивительного кобальтового цвета, какого сейчас уже просто не бывает.

Конечно, надо было бы заниматься совсем не этим, и Ева вовсе не собиралась провести воскресный вечер в бессмысленном созерцании пионового букета. Надо было, например, проверить тетради с последними в этом году сочинениями, которые тремя высокими стопками лежали у нее на столе, или сделать еще что-нибудь необходимое. Но час назад, уже открыв верхнюю тетрадь, она услышала этот странный тихий шорох — и вот сидела теперь в поздних майских сумерках у окна, подперев рукой подбородок, и смотрела на облетающие цветы.

— Ева, темно же, почему ты свет не зажигаешь?

Она вздрогнула. Привыкла за это время только к одной неожиданности — к тому, как отрывается от венчика каж-

дый новый, винного цвета, лепесток, — и мамин голос прозвучал поэтому странно. Мама была еще в прихожей, но она ведь слышала Еву даже через стены, поэтому, конечно, догадалась, что та дома, несмотря на выключенный свет.

— Глаза устали, мам, — ответила Ева, быстро смахивая на пол лепестки. — Сейчас включу.

Ей не хотелось объяснять маме, как она провела целый час. Не потому, что та не поняла бы, а просто чтобы не тревожить ее понапрасну. Ева всегда замечала, как легкий и тщательно скрываемый испуг мелькал в маминых глазах, когда та слышала от нее что-нибудь... Что-нибудь такое!

Это с самого детства было так, она даже не могла вспомнить, когда заметила мамин испуг впервые — наверное, слишком маленькая была, чтобы запоминать. Но этот испуг повторялся часто — до тех пор, пока Ева не научилась сдерживать себя. Или хотя бы свои слова.

Она села за письменный стол, включила лампу и придвинула к себе все ту же первую тетрадку с сочинением. Впрочем, обмануть маму было почти невозможно, поэтому Ева особенно и не старалась.

— И тетрадки совсем не проверяла. — Это было первое, что сказала Надя, войдя в комнату. — Промечтала просидела, так ведь, да?

— Ну, промечтала, — засмеялась Ева. — Сумерки, мам... Сумерничала! Я сумерки ведь люблю, ты же знаешь. «Не мерещится ль вам иногда, когда сумерки ходят по дому, тут же возле иная среда, где живем мы совсем по-другому?» — улыбаясь, произнесла она.

— А дальше? — спросила мама, остановившись посередине комнаты.

— «И движеньем спугнуть этот миг мы боимся иль словом нарушить, точно ухом кто возле преник, заставляя далекое слушать», — продолжила Ева, невольно подчиняясь маминой вопросительно-спокойной, но твердой интонации, хотя минуту назад вовсе не вспоминала эти стихи и уж тем более не собиралась читать их вслух.

Впрочем, читать стихи для нее было так же естественно, как дышать, а мамы стесняться не приходилось.

Последняя Ева

— Ты одна приехала? — спросила Ева, снова безуспешно пытаясь сосредоточиться на сочинении. — А папа, а Полинка?

— Папа завтра вернется. — Мама уже вышла из комнаты и поэтому говорила громко, шурша на кухне какими-то пакетами; хлопнула дверца холодильника. — Не хотел меня на электричке отпускать, но они с дядей Лешей Красниковым еще раз на рыбалку завтра хотят сходить. Сегодня утром так у них клевало хорошо — разохотился. — Даже издалека, через коридор, Ева расслышала улыбку в мамином голосе — почувствовала по тому, как изменились интонации. — А Полина сказала, еще на недельку останется порисовать. Погода, говорит, хорошая, по вечерам туман, жалко такие дни растерять.

Ева улыбнулась, услышав, как спокойно мама говорит о том, что сестра неделю одна будет жить в Кратове. Еето она едва ли оставила бы одну на даче, а Полинку — пожалуйста. Хотя Еве уже тридцать два — возраст, в котором говорить даже смешно о материнской опеке, — а Полинке всего семнадцать. Но так тоже было всегда, и к этому Ева тоже привыкла.

Мама меньше волновалась, когда трехлетняя Полина играла во дворе без взрослых, чем когда восемнадцатилетняя Ева выходила пройтись вечером одна.

Но чутье на все, что касалось детей, у Нади было безошибочное, и раз она не беспокоилась за свою младшую дочь, значит, действительно можно было не беспокоиться.

— Бросай-ка свои тетрадки, — сказала она, снова появляясь в дверях. — Ты, милая моя, смотрю, два дня и не ела ничего! Холодник нетронутый стоит, пирог с краю только пощипала. Нельзя же так, Ева! — В ее голосе мелькнула какая-то вопросительная укоризна. — Святым духом, что ли, собираешься прожить?

— Да мне лень просто было, — улыбнулась Ева. — Ну, мам, не сердись! Яйцо варить, зелень резать... За сметаной еще идти для холодника для этого — зачем?

— Я и говорю: как ты будешь жить? — покачала головой мама.

— Почему — буду? Я и теперь уже живу.

Ева снова отодвинула тетрадки, выключила свет и пошла вслед за мамой на кухню, откуда уже доносился запах свежей зелени, порезанной для холодного борща. То, что ей представлялось довольно бессмысленным занятием, мама сделала за минуту, даже не заметив, что вообще что-то делает.

Любая другая мама непременно продолжила бы рассуждения о том, как должна и как не должна жить ее взрослая дочь. Но Надя тем и отличалась от «любой другой», что никогда не давала Еве длинных и бесполезных житейских советов. Просто любила.

Они молча ели холодный борщ. Ева вдруг вспомнила: совсем маленькой она любила смотреть, как готовит холодник черниговская бабушка Поля. Вернее, даже не как готовит, а как в последнюю минуту кладет в кастрюлю капельку лимонной кислоты — и свекольный отвар сразу перестает быть бурым, делается ярко-алым, и тут же настроение становится праздничным, как будто вот-вот придут гости. Гости приходили часто — родственники, или друзья, или соседи, — так что радостное предчувствие редко обманывало Еву в детстве.

Даже сейчас она улыбнулась, доедая последнюю ложку, — только оттого, что вспомнила ту давнюю радость. Хотя давно уже жизнь не обещала особенного праздника, да Ева его и не ждала, и, что самое удивительное, совсем от этого не печалилась.

— Да, мам, Юра звонил! — вспомнила она. — Вчера еще.

Она и забыла-то о Юрином звонке только на те несколько минут, когда разговаривала с мамой. А так — звонок брата как раз и был причиной ее рассеянной сосредоточенности на опадающих лепестках.

— Отпуск взял? — обрадованно спросила мама. — Когда приедет?

Ева помедлила, не зная, как сообщить неприятную новость.

— Да он, знаешь... — наконец произнесла она неопределенным тоном. — Он, может быть, не сразу приедет... С отпуском пока проблемы, там у них учения какие-то будут.

На флоте, что ли, — ему надо быть. Он еще сам точно не знает! — поспешила она добавить, заметив, как переменялось мамино лицо.

— У него случилось что-нибудь? — спросила Надя; тревога в ее голосе и взгляде была теперь совершенно определенной и отчетливой. — Что он тебе еще сказал, почему ты мне не говоришь? Он здоров?

Конечно, не стоило ей осторожничать. У Юры не такая работа, чтобы недоговоренность могла успокоить маму. Лучшее уж знать не очень радостную правду, чем домысливать всякие ужасы.

— Да ничего страшного, вот честное слово! — успокаивающим тоном сказала Ева. — Здоров, все нормально, и голос веселый... Кажется, — добавила она, вспомнив краткость Юриных фраз, из-за которой даже она не могла угадать его настроение. — Ну да, вряд ли отпуск будет, он скорее всего вообще летом не приедет. Но это же МЧС, все равно что военные, мам, не в первый же раз!

— Не в первый. — Мама уже справилась с волнением, и ее голос звучал теперь спокойно. — Второй год без отпуска — это как? И зря вы с ним меня уговариваете, все я понимаю. Если опять в этом году не приедет, я на следующей неделе сама к нему полечу.

Мамины реакции всегда удивляли Еву. Действительно, ничего необычного нет в том, что Юра два года не был дома. Ничего необычного — если учитывать его работу в сахалинском отряде Министерства по чрезвычайным ситуациям, и его характер, и расстояние между Москвой и Сахалином.

Любая другая мама вздохнула бы, погоревала, смирилась и скорее всего просто стала бы ждать, когда ее взрослый сын найдет в своей далекой неведомой жизни время, чтобы проведать родных. Так, наверное, и надо было бы себя вести, особенно в то лето, когда младшая дочка поступает в институт.

Но Надя из всего делала собственные выводы, и полсутки лету до Сахалина едва ли представлялись ей более существенным препятствием, чем, например, сорок минут езды в электричке.

И это при той ее сдержанности, которая даже Еве, чувствовавшей маму лучше других, иногда казалась странной! Надя никогда не была с детьми открыто хлопотлива и никогда не демонстрировала желания вмешаться в их жизнь; да с Юрой это было бы и невозможно. Но необходимость лететь на Сахалин — так некстати и без всяких видимых причин для беспокойства, — судя по всему, не вызвала у нее и тени сомнения.

Больше они на эту тему не говорили.

Ева убрала тарелки, вытерла стол.

— Сделать что-нибудь, мам? — спросила она.

— Ничего, — пожала плечами Надя. — Иди уж, сочинения ведь не проверила? Что ты смеешься? — спросила она, заметив улыбку, мимолетно скользнувшую в уголках дочкиных губ.

— Да удивляюсь: ты-то откуда знаешь? — объяснила Ева. — Сейчас сяду и все проверю.

Не то чтобы она была безответственна... Хотя, впрочем, Ева и не знала, как называется ее отношение к жизни. Вот Юра, тот точно ответственный, в этом и сомнений нет. А она... Нет, тетрадки, конечно, всегда проверяет вовремя. Но как-то слишком чувствует все настроения, которые невидимым облаком окутывают ее жизнь, — так, наверное.

Даже настроения ее десятиклассников. А им, конечно, за неделю до конца учебного года совсем не до сочинений, и ни одно юное сердце не трепещет: что-то скажет учительница о его торопливых размышлизмах на отвлеченные темы? Потому ей и неохота проверять тетрадки.

Прежде чем снова сесть за стол, Ева наклонилась, собрала с пола увядшие лепестки и бросила в открытое окно. Легкие, они долго кружились в воздухе — пятый этаж, четвертый, второй... И наконец растворились в вечерней полутьме.

Глава 2

Неизвестно, кому казалась длиннее последняя перед каникулами неделя, Еве или ее ученикам. Им-то хотя бы понятно, почему было не до учебы. В конце мая установилась

Последняя Ева

теплая погода, и зелень стала по-летнему густой, и уже можно было купаться — хоть бултыхаться в грязных московских речках, хоть ехать на целый день в Серебряный Бор или на Рублевские пляжи.

Но ведь Ева совсем не испытывала того счастливого нетерпения, которое испытывали ее детки. Да она, кажется, не испытывала его и раньше, когда сама училась в школе — в этой же самой школе на Маяковке, во дворе гостиницы «Пекин». Или просто забыла? Память у нее вообще-то была хорошая, учительская: стихи, например, она запоминала мгновенно и в любых количествах. Но прошлое, настоящее и даже, ей иногда казалось, будущее сливались для Евы в такой единый и трепетный круговорот, что ей трудно было вспомнить какое-то определенное событие да еще связать его с тем или иным временем своей жизни. Может быть, она и торопила свое собственное время когда-то в детстве, да теперь забыла.

А теперь она просто чувствовала общее томительное ожидание, от которого, казалось, плавился асфальт в школьном дворе, — и тоже торопила дни.

В понедельник утром, только что умывшись, Ева причесывалась перед зеркалом в ванной, а мама жарила гренки на кухне. Дверь в ванную была открыта, и Ева слышала, как шкворчит масло на сковородке и как мама вполголоса напевает: «В саду гуляла, квиты збирала, кого любила — причоровала...»

— Мама! — позвала она, вытаскивая шпильки из волос и глядя в зеркало, как освобожденные пряди падают ей на плечи.

Волосы у Евы были светло-русые — то есть самого неопределенного и невыразительного цвета: ни яркая блондинка, ни эффектная шатенка. А в сочетании со светло-серыми глазами — вообще... К тому же волосы были хоть и густые, но слишком тонкие и совершенно не поддавались никакой прическе: рассыпались даже под умелыми парикмахерскими пальцами. Поэтому Ева просто собирала их в большой низкий узел на затылке и закалывала шпильками, как у ба-

бы Поли на старой фотографии. Так они, по крайней мере, казались немного темнее и выразительнее.

Вот у мамы волосы были совсем другие — чудесного каштанового цвета и необыкновенной густоты. Это чувствовалось даже при недлинной стрижке, которую она носила всегда, сколько помнила Ева.

Только на школьных фотографиях мама была снята с длинными косами, уложенными вокруг головы. Такая прелестная маленькая девушка с карими глазами, серьезными и веселыми одновременно.

— Мам, — повторила Ева, — а знаешь, как меня в школе называют?

Песенка на кухне прервалась.

— Как? — спросила Надя.

— Капитанская Дочка.

Ева положила расческу на подзеркальник и, не заколов волос, вышла из ванной.

— Почему? — удивленно спросила мама.

— Не знаю. Из-за фамилии, наверное, почему же еще?

— А! — улыбнулась Надя. — В самом деле, а мне и в голову никогда не приходило.

— Это если полностью, — объяснила Ева. — А так, на каждый день, — просто Дочка.

— Это что же, они тебя прямо в глаза так и называют? — поинтересовалась мама. — Ужас просто, как козу какую-нибудь, честное слово!

— Нет, ну что я, совсем уже... За глаза, конечно.

— А что, я бы не удивилась, — усмехнулась Надя. — Я еще удивляюсь, что они тебя вообще как учительницу воспринимают. Из класса, например, кого-нибудь выгнать... Представить невозможно, как ты это делаешь!

— А я и не делаю, — улыбнулась Ева. — Я же с маленькими не работаю, а на больших это не действует. Они только рады будут, если их из класса выгнать. Да и вообще, мам, у нас это не принято.

Наверное, она вообще не смогла бы работать ни в какой другой школе. Ева ничуть не обольщалась насчет своих пе-

дагогических способностей, да и насчет призвания тоже. Любила читать, хорошо училась, к тому же в гуманитарной спецшколе. Куда пойти, если нет никаких определенных стремлений? Сам собою напрашивался филфак — туда она и поступила.

Даже с репетиторами заниматься не пришлось.

— Она и так прекрасно подготовлена, — сказала бабушка Эмилия. — И вообще, нам просто смешно выбрасывать деньги на Евино поступление в университет.

Слово «нам» бабушка подчеркивала особенно, и даже семнадцатилетняя Ева понимала, почему. Во всей Москве, кажется, не было ни одного института, в котором у Эмилии Яковлевны не работали бы подружки, приятельницы, бывшие однокурсники, одноклассники, их жены и мужья — словом, «коллеги и коллежанки», как она говорила. На филфаке МГУ их было просто полно, а бабушка Эмилия была не из тех, кто играет в объективность, когда речь идет о родственниках.

Она удивилась только, когда Ева сказала, что хочет поступать на русское отделение.

— Все учатся на романо-германском, — возразила было бабушка. — Тем более после спецшколы. Совсем другие перспективы, язык... А после русского — в школе, что ли, ты собираешься работать?

Ева тогда вообще смутно представляла себе будущее. Даже завтрашний день, а уж тем более такое отдаленное, как время окончания университета, в который она ведь еще только собиралась поступать. А на русском отделении она хотела учиться лишь потому, что Толстого любила больше, чем, например, Гёте. Так она и объяснила бабушке, на что та только вздохнула.

— Как знаешь, — сказала она. — Ты взрослая девочка, мое дело — предложить.

Если бы выбирать институт пора было Юре, бабушка Эмилия, конечно, не была бы так спокойна и сутки напролет могла бы его уговаривать «как лучше». Хотя Юру, наоборот, бесполезно было убеждать сделать то, что он не считал нужным делать, а Ева легко поддавалась влияниям.